“Какая неудобная высокая подушка. Шея болит, голову повернуть не могу. Надо всем туловищем поворачиваться, чтобы оглянуться. Как свинье. Тяжело. А поворачиваться надо. Черт его знает, что там, за спиной. Или кто…

Пусть подушку заменят. Есть ведь, наверняка, и высокие, и удобные… Гитлер на низкой спал. Это я знаю. Иван Грозный на досках. Петр вообще без подушки обходился в некоторые моменты своей жизни. Чингисхан спокойно спал: вся степь, как постель…

Римляне вот только сибаритствовали. Или падишахи… Кто аскет, кто сибарит, а суть одна. Сила власти не зависит от привычек. А вернее, скажем так: власть — это или возвращение привычек, или желание их приобрести, или их незнание до поры до времени…

Римляне знали толк во власти, понимали ее природу. Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Это ведь не народ придумал. Это только у нас народ поговорки придумывает. Но надо было не так. Что значит: позволено или не позволено? В корне неверно. От этого и появляются восставшие рабы… Глупое название для футбольной команды — «Спартак»… Надо было вот как: что свойственно Юпитеру, не свойственно быку. Так вернее. Так прояв-

ляется божественная природа власти. Не может быть, чтобы император и плебей хотели и могли одно и то же. Плебей должен знать, что чего-то он не сможет никогда. Физически. А чего-то никогда не поймет. А то ведь каждый вино пьет, с женщиной спит, одним воздухом дышит, один виноград ест. Дело только в качестве. Да и понятие качества, если разобраться, — тьфу! Важен результат. Утоление жажды, вкус вина. Подушка... Чистый ты ходишь или грязный — условность. Все тебе достанется рано или поздно — и жизнь, и смерть. Я же когда-то написал Де Голлю, что в конечном счете побеждает Смерть».

За окном шумела мартовская ночь с дождем и ветром. Но ее шум не проникал в скупо освещенную, казенно обставленную комнату. Шум дождя сникал у стекол окна с той, темной, стороны. Тишину нарушал только мягкий звук шагов. Войлочные сапоги шелестели без пауз, словно человек не шел, а скользил по ковру. Он постоял у окна, вглядываясь во тьму. Надо было повернуться: показалось, что в комнате, в углу, кто-то стоит.

«Так, надо пойти налево, к столу. Сесть. Подумать. Есть о чем подумать. Потом выпить вина».

Он повернулся всем телом, стараясь не потревожить шею, и пошел налево, и пока медленно шел, чувствовал, что им овладевает какая-то странная, до ужаса простая мысль. Он уже шел не налево, а прямо. А подойдя к столу и став к нему лицом, понял, что повернулся направо.

«Вот как. Пойдешь налево, придешь направо. Когда я это сказал? В тридцатом? Или раньше? По поводу Бухарина? Каменева? Зиновьева? Оппозиция... Какая может быть оппозиция? Что это такое? Смешно. Как с Юпитером и быком. Но ведь с точки зрения русского языка нельзя сказать: придешь направо. Можно сказать — свернешь направо. Тогда получается бессмыслица. Но ведь они поняли суть фразы, хотя фраза и неграмотная... Кто обвинял меня в неграмотности? Не помню. Кто-то из этих писак. Давно... Итак, если свернешь направо — получается порочный круг. Хотя, почему порочный? Просто круг. Так и будешь ходить, пока не остановят. Нет, именно порочный. У нас — порочный. И, кроме того, не замкнутый. Или все-таки замкнутый? Мы не какие-то там римляне, у которых все можно. У нас лево и право — не просто понятия направления. И даже не цель, как в этой глупой сказке: пойдешь налево — коня потеряешь, пойдешь направо — смерть разыщешь, пойдешь прямо — невесту найдешь... Назад иди, откуда пришел! Или стой на месте, думай, живи у камня, на котором это написано. Нет! Мысль о том, налево, направо или прямо идти, — это уже смерть или богатство. Ты ведь даже не должен выбирать, ты должен просто оказаться там, где тебе определено быть судьбой. Или кем-то, управляющим твоей судьбой. Юпитером каким-нибудь... Смерть, богатство, конь, невеста... Невеста... Такая же ночь тогда была. Надя сидела напротив. Что-то мы отмечали. Не помню. Кто-то сказал какую-то глупость. Надя возмутилась. Тихо возмутилась, как всегда. А кто сказал? Кто это был? Как его фамилия? Софонов? Софронов? Симонов? Черт, причем тут Симонов, лезет в голову. Сколько у него Сталинских премий? Пять?.. Сатрапов! Точно, Сатрапов! Интересно, где ты сейчас, Сатрапов? Надо бы посмотреть на тебя сверху, сбоку, сзади».

Не присаживаясь к столу, он поднял трубку внутреннего телефона. Раздался голос охранника:

— Слушаю, товарищ Сталин!

— Кто у телефона?

— Лейтенант Солоухин.

— Соедините меня с Абакумовым.
— Есть!
Через две минуты в трубке послышался, как показалось, веселый голос Абакумова:
— Слушаю вас, Иосиф Виссарионович!
— Это хорошо, если слушаете. Пьете?
— Никак нет!
— Тоже хорошо. Виктор Семенович, вам фамилия Сатрапов ни о чем не говорит?
— Не припомню, Иосиф Виссарионович.
— Найдите мне его.
— Когда?
— Сейчас.
— Имя, отчество, товарищ Сталин?
— Мое?
— Извините, Иосиф Виссарионович, Сатрапова.
— Имя, кажется, Николай. Отчества не помню.
— Он в Москве?
— Должен быть в Москве.
— Кто он?
— Не знаю. Вы что, меня допрашиваете?
— Извините, товарищ Сталин. Он опасен?
— Думаю, нет. Вы точно пьете.
— Никак нет. Найдем, товарищ Сталин. Фамилия довольно редкая.
— Найдите. Вежливо попросите приехать с вами сюда. Скажите, что Сталин просто пригласил в гости.
— Понял. Сделаем.
— Сделайте.
Он положил трубку, и сразу в комнату вполз шум мартовской ночи, словно кто-то невидимый открыл окно. Вдруг стало холодно. Он не торопясь разжег огонь, который долго прятался, потом вдруг из искорки занялось пламя, тонкие щепки растопки стали прозрачно-розовыми. Огонь обнял со всех сторон небольшое полено, пока еще нехотя, как будто подчиняясь давней привычке.
Он налил в стакан воды из большого графина, стоявшего на столе, отломил кусок хлеба, лежавшего на тарелке с нетронутым ужином, и стал медленно жевать, не чувствуя вкуса и глядя на огонь.
«Вода, хлеб, огонь, воздух — они принадлежат всем. И всегда одни у других это хотели отнять, хотя это невозможно. Ну, разве что хлеб. Нужно пахать, сеять, растить, жать, молоть, печь... С виноградом проще...Прав был Булгаков, когда изобразил меня в своей пьесе убегающего, ищущего кров. Что я там просил у приютивших меня людей? Огня, воды и кусочек хлеба. И еще мне не хватало воздуха, по мнению автора, у меня была слабая грудь. Откуда он узнал? Впрочем, какой это секрет.
Значит, мы, большевики, хотели отдать людям то, что принадлежит им по праву. Отобрать у тех, кто захватил все это, и разделить. У одних было слишком много, у других — слишком мало. Как может быть слишком много воздуха, огня и воды? Но этого мы и не обещали. Мы обещали землю, фабрики, мир. И много чего еще. Так и произошло. А вода, огонь, воздух, любовь так и остались общими. Это неправильно. Разве любовь дана человеку для продолжения рода? Нет, она дана в утешение. Как сделать ее невозможной для всех? Недоступной. Это выполнимо? Это нам,

большевикам, по силам? По силам коммунистам восстановить некую, если не божественную, то высшую справедливость? А если надо, опровергнуть справедливость божественную?»

Он бросил взгляд на часы. Четыре часа прошло с того момента, как Абакумова соединили с ним.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Да! — не оборачиваясь, сказал он.

— Товарищ Сталин, к вам товарищ Абакумов! — доложил лейтенант Солоухин.

— Пусть войдет.

Сзади послышался звук тяжелых пружинистых шагов.

«А вдруг это не Абакумов, а Прометей, который пришел забрать огонь? А вслед за ним весь греческий пантеон подтянется. За водой, воздухом, хлебом. Вдруг им показалось, что у нас слишком много всего? Отнимут ведь, никакой НКВД им не помешает. Понятно, что бога не существует, как мы это говорим, но они не совсем боги. Они — ожившая диалектика в хитонах, с молниями в руках, в крылатых сандалиях, в лавровых венках. Они отнимают огонь, воду, воздух. Вот отчего умирает человек... Надо бы повернуться, посмотреть на них хоть краем глаза. Пусть это будут греческие боги, а не славянские идолы. И не северные непонятные создания — Один, Тор и другие. А буддистских богов вообще не существует, хотя этот, как его, с горбом, говорил, что существуют...»

Он повернулся. Перед ним стоял Абакумов. На его лице проступала странная полуулыбка, отблески пламени камина сияли на хромовых сапогах.

— Пили все-таки? Что?

— Неид, Иосиф Виссарионович!

— Шутить изволите?

— Так точно, хотел пошутить, извините. Хейг.

— Виски пьете? Кукурузный самогон.

— Так точно. Товарищ Сталин, ваше приказание выполнено. Но их семь человек.

— Семь?

— Из тех, кого смогли найти в Москве, семь Николаев Сатраповых. Все здесь, в приемной. Вежливо пригласили, как вы и сказали.

— Скоро все станут говорить, что Сталин сумасшедший. Приглашает семерых однофамильцев ночью на дачу. Как вы думаете?

— Никто ничего не скажет, Иосиф Виссарионович. О таких приглашениях обычно молчат.

— С другой стороны, что тут такого? Сталин пригласил к себе на дачу. Почему не поделиться этой радостью с родными и близкими? Вы как считаете, товарищ Абакумов?

— С родными и близкими... Конечно...

— Кто они?

Абакумов достал из нагрудного кармана кителя лист бумаги, развернул его и, деликатно откашлявшись, зачитал:

— Сатрапов Николай Алексеевич — антрополог, Сатрапов Николай Викторович — бухгалтер, Сатрапов Николай Иванович — студент сельхозтехникума, Сатрапов Николай Всеволодович — герой Гражданской войны, инвалид, Сатрапов Николай Петрович — дворник, Сатрапов Николай Митрофанович — освобожденный из мест лишения свободы, вор, Сатрапов Николай Аристархович — бывший священнослужитель.

— Как это — бывший?

— Отрекся от бога, в настоящее время служит в транспортной конторе.

Сталин внимательно посмотрел на Абакумова. Последнее время, примерно с год, люди, с которыми он встречался, о которых вспоминал, были они живы или мертвы, представлялись ему в виде камней разного размера, формы, цвета, характера. Он видел эти камни во сне, в предутренних полусонных видениях, в яви. Стоило только закрыть глаза.

Сталин опустил веки и тотчас вместо Абакумова увидел обломок бетона с торчащей из него, как копье, арматурой. Он один раз видел брата Абакумова, священника. Тот выглядел как обломок зеленоватого камня с белыми прожилками.

— Я должен посмотреть на них так, чтобы они меня не видели, — сказал он и неторопливо двинулся к двери, ведущей внутрь дома. Абакумов бесшумно последовал за ним. Они прошли небольшой изогнутый коридор, попали в квадратную пустую комнату с единственным стулом, стоящим около стены. Абакумов поднял стенную панель, расположенную в полутора метрах от пола, Сталин присел и посмотрел в открывшуюся щель. В приемной сидели семеро, сидели как-то одинаково, как школьники за партами, осторожно оглядывая помещение. Все были одеты в черные или коричневые костюмы. Черты их лиц разнились, но застывшая на них печать тревожного ожидания и, как показалось Сталину, проступающей изнутри муки делала их похожими друг на друга.

Он закрыл глаза: в приемной на стульях лежало шесть серых, крупных, окатанных водой, ветром и временем валунов. Слева сверкал искорками неправильной формы камень, белый, с синеватым отливом, похожий на большой кусок рафинада. Седьмой.

«Так можно ли опровергнуть высшую справедливость? Допустим, можно. Но зачем нам это? Какова цель этого решения: лишить народ высшей справедливости? Хотя, какая может быть цель, кроме одной. Мы же диалектики... Кто там упрекал меня в незнании диалектики?.. Его уже нет, несмотря на то, что он был видным диалектиком... Итак, цель. Чтобы потом кто-то опять пообещал народу вернуть все, что у него отняли. Все, дарованное ему богом или природой. Интересно, какую модель общества они предложат? Будет ли у них опора на бога или на природу? Глупости. С народом, у которого отняли любовь, воду, огонь не совершишь уже никаких действий, он просто не будет способен на очередной подвиг. А если и получится, то все пойдет своим чередом. Советский Союз долго не проживет, никакого мирового коммунизма не будет, это ясно. Все вернется на круги своя. Очередная империя развалится под собственной тяжестью. Останется Россия со своим народом, верой, огнем и любовью, данной в утешение. Все эти сателлиты отвалятся, как струпья. Они захотят свободы, самостоятельности. Суверенитета. Возможности свободно и независимо искать очередного хозяина. Они захотят при этом своего бога, своей любви и огня. Там, где огонь и любовь, обязательно должна быть собственность. Кто сказал, что собственность — это воровство? Прудон?.. Прометей своровал огонь. Жалкий вор. На Олимпе его должны были судить по 58-й статье как врага народа... Абакумова надо приковать к скале на Красной площади, на Лобном месте, и натравить на него орла: пусть клюет ему печень. Он украл доверие. А оно дороже огня...

Итак, рано или поздно Россия опять начнет собирать сателлитов, потому что под отвалившимися струпьями останется рана. Россия — это

всегда незаживающая рана... Соберет. Ни один из будущих руководителей страны не откажется от мыслей о возрождении империи. Это сильнее диалектики и выше справедливости. Но империи уходят. Экспансия заканчивается. Очень скоро империалистам придется каяться в содеянном. Однако Россия не сможет жить без толстой кожи, с оголенными нервами. Она всегда будет стоять поперек, как кость в горле. И значит, история внутри нее пойдет вспять. А что у нас там позади? Крепостное право. Но, как дань Западу, в Россию придет феодализм...»

— Дайте им чаю и развезите по домам. А этого, крайнего слева, пригласите ко мне. Кто он?

— Физик, Иосиф Виссарионович. Сатрапов Николай Алексеевич.

— Вы же сказали — антрополог.

— Извините, Иосиф Виссарионович, я не совсем верно выразился. По своей основной работе он физик. Антропология — это увлечение.

— Вы знаете, что такое антропология?

— В общих чертах, товарищ Сталин.

— Это наша, советская наука?

— Если к ней применим диалектический метод...

— Хорошо. Скажите, чтобы нам накрыли легкий ужин и принесли вина.

— Слушаюсь.

Когда Сталин вошел в комнату, Сатрапов уже был там. Он стоял у сервированного стола и расстегивал верхнюю пуговицу белой рубашки.

— Здравствуйте, — сказал Сталин, протягивая руку.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, — ответил Сатрапов, крепко пожимая руку Сталину худой жилистой кистью.

— Прошу прощения, Николай Алексеевич, что вас потревожили. Я просто хотел поговорить. Не спится... Вас разбудили?

— Нет, я не спал.

— Работали?

— Да, наверное. Думал...

— Присаживайтесь, Николай Алексеевич, — сказал Сталин, садясь за стол. — Я вижу, что вы хотите курить. Закуривайте.

Сатрапов сел, поблагодарил и взял в руки запечатанную пачку папирос. Он никак не мог открыть ее, вертел в руках, и на его лице попеременно проступали гримасы смущения, недовольства, раздражения.

— Дайте мне, — улыбнулся Сталин. — Вы никак не можете открыть пачку папирос. Это просто. Вы не замечали, что многие люди, вполне физически развитые, чрезвычайно неловки в подобных мелочах. У них непослушные пальцы. Мои пальцы ругали Демьян Бедный и Мандельштам. Они говорили, что мои пальцы похожи на червей. Вы знакомы с этим стихотворением Мандельштама?

— Да, Иосиф Виссарионович.

— И тем не менее, смотрите, как ловко и быстро я открываю пачку папирос. Курите... Вы работаете?..

— В институте высоких энергий. Почтовый ящик...

— Да, я знаю. Как идет ваша работа?

— Неплохо.

— Не скромничайте. Последние разработки дали очень хорошие результаты.

— Да, в плане создания нового оружия. Но это побочный эффект.

— Вот как? А что же, по вашему мнению, главное?

— Не знаю, Иосиф Виссарионович. Я не знаю, что мы ищем. Энергию, скорость, превращение, движение? Или, может быть, форму? Микромир пока необъясним, кроме того, что мы знаем совершенно точно.

— Электрон также неисчерпаем, как и атом?

— Да-да...

«Как похожи друг на друга интеллигенты разных стран. Что француз, что американец, что русский. И как не похожи друг на друга крестьяне разных стран. Даже грузинские крестьяне не похожи на русских. Почему я не люблю русских крестьян?.. Нет, это не тот Сатрапов. И среди тех, кто был здесь, его нет. А где он? Куда спрятался? Жив ли?..»

— А вы применяйте диалектический метод. Законы диалектики действуют в вашем микромире?

— Не знаю, Иосиф Виссарионович.

— Ну как же? Еще Ленин говорил, что современная физика рожает диалектику.

— Может быть. Диалектика применима в жизни.

— В политической борьбе?

— Нет, в обычной человеческой жизни. В человеческих отношениях. Я не совсем верно выразился. Она не применима, а присутствует.

— Интересно. Как это?

— Практически в любой семье действует закон единства и борьбы противоположностей. Переход количества в качество часто наблюдается в научной работе. Закон отрицания отрицаний ясно виден в архитектуре, живописи, кинематографе: явно прослеживаются имперские мотивы, но в новом качестве...

— Это вульгарный подход! — раздраженно сказал Сталин и бросил на стол пачку папирос, которую вертел в руках. — Кроме того, это гегелевская диалектика. Идеалистическая! Метафизическая!

Он налил вина в два бокала. В красной жидкости сверкнул электрический свет, заискрилось пламя камина, промелькнула белесая полоска от вползающего между штор блеклого мутного рассвета.

— Давайте выпьем за движение, за развитие, за результат. За процесс во всем многообразии окружающей его действительности. За человека среди людей. Как только человек теряет связь с действительностью, он становится лишним. Человек не может существовать сам по себе, в одиночестве.

— Не то чтобы лишним, — тихо сказал Сатрапов и осторожно поднял бокал. — Он начинает противоречить закону. Диалектическому закону. Это исключение, которое подтверждает правило.

— Исключение есть исключение, — твердо сказал Сталин и пригубил вино. — Пейте! Это хорошее вино. Напареули. Оно никогда не будет исключением. В этом его суть. Его характер. Его состояние. Оно было создано для того, чтобы его пить. Если вино становится исключением, значит — это помои, и их надо выливать в отхожее место. Уродливое и не дающее плодов дерево необходимо рубить. Человека, не соответствующего законам, необходимо уничтожать.

— Иосиф Виссарионович, извините, человек может не подчиняться законам, но как он может им не соответствовать? Это уже другая человеческая природа. Это два вида людей...

«Странно. Как получилось, что мы вышли на этот разговор? Что свойственно Юпитеру — не свойственно быку. Свойство и соответствие — это одно и то же? В моем случае — да. А в его случае? Хочу ли я узнать об этом?

Наверное, нет. Я устал разбираться в чужих душах, разгадывать чужие тайны. Тем более, все они однотипны и скучны. Пусть он уйдет из жизни неразгаданным. Не раскрытым. Но ведь я уйду быстрее. Он молод».

— Сколько вам лет?

— Сорок, Иосиф Виссарионович.

«Сорок. Если ничего не случится, он проживет еще лет тридцать. Или сорок. Это будет 1991 год. Союз Советских Социалистических Республик к тому времени исчезнет. Никто не удержит этот распад. Здесь все три закона проклятой гегелевской диалектики... Что-то опять не так. Вино успокоилось, исчез хаос брожения. Оно созрело и обречено быть выпитым. Опять не так с точки зрения русского языка. Мы обречены пить созревшее вино? Оно созрело для нас или мы для него?.. Что за мысли? Кто-то скажет, что я не мог думать о таких пустяках. Но если я думаю, значит, это не пустяки. Законы диалектики. Зачем нужны законы? Разве они объясняют происходящее?»

— Два вида людей... Это возможно, по-вашему?

— Смотря что вы имеете в виду, Иосиф Виссарионович.

— Допустим, люди, которые могут любить и которые не могут любить. Или люди, которые могут убить и которые не могут убить.

— Не знаю. По-моему, о чем-то подобном писал Достоевский. Это мысль Раскольникова.

— Да-да, я знаю, что это мысль Раскольникова. Но это возможно?

— Да, это возможно.

— Достоевский был прав, предрекая это?

— Прав, Иосиф Виссарионович.

— Но он утверждал, что человек, совершивший убийство, не переживет мук совести. Вы с кем согласны: с нами или с Достоевским?

— Раскольников пытался оправдать преступление некоей высшей целью, благодеянием для всего человечества.

— Раскольников — это персонаж, — сказал Сталин, негромко рассмеявшись чему то. — Дело не в нем, а в Достоевском.

— Я думаю, Достоевский, если бы он жил сейчас, написал нечто совсем другое.

— Ничего бы он не написал, — небрежно махнул рукой Сталин. — Скажите мне, Николай Алексеевич, а можно ли нарушить физические законы?

— В определенных условиях они не работают. Наши, земные. Чисто теоретически. Эти условия выведены, что называется, на кончике пера. Но там действуют другие законы. Мы не можем говорить, что что-то нарушается. Или то, что физические законы не исполняются.

«Зачем это добавление о неисполнении? Оно лишнее. Но мы уже близко к сути вопроса. Условность рождает необходимость. Или наоборот...

Не хватает действия. Не хватает воздуха. Трудно дышать. Озарение — это глубина мысли. Но глубины нет. И высоты нет. Я не могу нырнуть в воду. Я не могу вынырнуть. Я лишен свободы действий. Смешно. Я лишен свободы действий? Да, лишен, если понятия «выше» и «ниже» отсутствуют. Снизу земля, сверху — небесная твердь. Значит, мне просто тесно здесь. Надо куда-то выше. Или ниже. Наверное, там просторнее».

— У вас есть семья?

— Нет, Иосиф Виссарионович. Жена умерла сразу после войны, а детей у нас не было.

— Вам что-нибудь нужно? Вы в чем-то нуждаетесь?

— Нет, Иосиф Виссарионович. У меня есть все необходимое.

— Такого не может быть. Подумайте. И не стесняйтесь. Даже в просьбе о деньгах нет ничего зазорного. Кроме того, я догадываюсь, что у вас какая-то личная драма.

— Откуда вы знаете?

— Это заметно. Вы потеряли кого-то? Женщину? Вернем!

— Нет, вы не вернете ее.

— Зачем мы? Это сделаете вы. Уверяю вас, она придет к вам, стоит только решить некоторые бытовые вопросы. Я прав?

— Да, наверное.

— Вот и хорошо. Я через час поеду в Кремль. По дороге вы расскажете мне подробности вашей истории. Может быть, вы хотите что-то еще?

— Иосиф Виссарионович, не надо никого возвращать.

— Почему? Вы же переживаете? Вы живете один.

— Да. Вернее, нет... У меня есть попугай.

— Попугай? Маленькая волнистая глупая птичка. Вы знаете анекдот про меня, профессора и птицу дрофу?

— Знаю, Иосиф Виссарионович. Но он у меня не глупый. Не волнистый. Большой, белый, говорящий. Как в «Острове сокровищ». Помните? Пиастры, пиастры!

— Пиастры? Припоминаю...

«Зачем ему попугай? Не хочет вернуть любимую женщину, живет с говорящим попугаем. В чем тут дело? Да, он же антрополог».

— И о чем же вы с ним говорите? Обсуждаете антропологические проблемы?

— Откуда вы знаете? Хотя, да... Конечно...

— Ну, и как, он соглашается с вами? Или спорит?

— Трудно сказать. Он может кивать головой, вверх-вниз. Или вправо-влево. Но это рефлекторно. Как правило, кивает. Если в словах есть буква «р», то можно сказать, что он спорит. Если нет — соглашается.

— Но это же замечательно! Антропология — прикладная наука?

— Не знаю, Иосиф Виссарионович.

— Конечно, прикладная! Наша антропология. Мы меняем природу человека во имя конечной цели. Мы создаем активных людей, искореняя пассивность. Мы приучаем их к свободному труду посредством принуждения. Мы заставляем их признать, что материя первична и первично общество, что бракованные люди нам не нужны.

— Но изучая общество в целом, мы не можем не изучать его составляющих. Индивидуумов.

— Можем. Да и зачем их изучать? Там нет ничего интересного, поверьте мне. Общество сложнее, многограннее, полезнее отдельных своих членов. Постарайтесь понять этот парадокс именно через диалектику. Это сложно, но необходимо. И вам необходимо в первую очередь... Да, мы уничтожаем людей, независимо от занимаемого ими положения, если, погрязая в роскоши и корысти, они не могут осуществлять поставленные перед ними задачи. Или не хотят. Мы уничтожаем их, когда они вредят достижению цели. И большинство довольно этим. Люди всегда будут довольны, открыто или в глубине души, если кого-то расстреляют за то, что опаздывают поезда, отсутствуют дороги, за клевету и издевательство над святынями, за вредные книги. За то, что параллельные прямые пересекаются. Это метафора, как вы понимаете... И это при осознании того, что их самих завтра могут расстрелять за воровство или взятку.

— Взятки и воровство когда-нибудь исчезнут сами…

— Сомневаюсь. Взятки и воровство — важные детали в нашем сложном государственном механизме.

— Извините, Иосиф Виссарионович, но это уже похоже на алхимию. Если природа человека меняется, в чем я не уверен, хотя, может быть, и ошибаюсь, то она меняется как-то сама собой, под воздействием неких объективных факторов и процессов.

— Мы по мере сил должны вмешиваться в эти процессы. И причем здесь алхимия?

— Я имел в виду цель. Получение золота с помощью философского камня…

— У нас на сегодняшний день, подчеркиваю, на сегодняшний день, в руках не философский камень, а марксистско-ленинская философия. А золото — это общество, которое мы когда-нибудь построим. Вы же не будете спорить с тем, что мы создаем и уже создали уникальную общность людей?

— Да, мы создали уникальную общность людей, которой еще не видел мир.

— Можно ли, по вашему мнению, создать такую общность эволюционным путем? Наверное, можно, но на это уйдет слишком много времени, и мы не увидим результата. А революционный путь подразумевает уничтожение плевел. Да, тяжело и страшно. Но незаменимых людей, к счастью, нет.

— А вы, Иосиф Виссарионович?

— И я тоже заменим. Я ведь заменяю кого-то, значит, рано или поздно кто-то заменит меня.

— А если это будет неравноценная замена?

— Так не бывает. Просто заменять будут чаще. Но каждый пришедший во власть будет нужен на данный момент, на короткий или долгий срок.

— Нужен для чего?

— Сложный вопрос. Вы сами как думаете?

— Для блага страны и ее граждан. Для утверждения нашей правоты. Для дальнейшего развития.

— Хм…

— Ну да. Ведь именно от руководителя, от вождя зависит то, куда и как мы пойдем.

— Во-первых, от вождя это практически не зависит. Во-вторых — куда и как мы пойдем, не имеет особого значения.

— Как же так? Ведь вы передадите дальше, тому, кто придет после вас, главное дело, главные идеи нашего государства, его идеологию.

— Вы меня хороните, Николай Алексеевич? Шучу. Мы уже похоронили друг друга. Я прав?.. Так вот, это в странах Запада передают дело и идеи. И жизнь простых американцев и европейцев не меняется с приходом нового лидера. Да и лидер ничем не отличается от предыдущего. А у нас жизнь становится лучше, гуманнее, веселее. Или несравненно тяжелее и трагичнее. Или превращается в застывшую субстанцию, в болото. Мы меняемся, оставаясь неизменными. А знаете почему?

— Нет.

— Потому что мы передаем не дело, не идею и не идеологию, а частицу себя. Вот в чем секрет нашей власти. Да, мы говорим о том, что дело Ленина или дело Сталина будет жить в веках, эти идеи всесильны, пото-

му что они верны. Смешное умозаключение, не так ли? А на самом деле в веках будем жить мы. Я знаю, что во мне есть много чего от тех, кто раньше был на моем месте, с давних времен. А в тех, кто будет, останется много чего от меня, даже в далеком будущем. Побуждения, мысли, привычки, желания, жажда власти и ее утоление. К примеру, я мыслю имперскими, как говорят наши враги, инвективами. Да, я реставрирую империю. Нужно ли это государству? Людям? Или это нужно только мне? Даже не мне, а может быть, Петру или Ивану. Первому или четвертому. Задумайтесь об этом. Ведь люди находятся под действием массового гипноза. Действие руководителя принимается за государственную необходимость, за эффективный геополитический проект, укрепляющий государство, будь то война, присоединение территорий или жесткие репрессии. Так сформировано наше общественное сознание. Политика может быть разной, как и идеология, но это надстройка. А базис — это мы. Это моя личность, которая пришла из прошлого и отправится в будущее. Вот почему я спокоен. Мы — вечны, мы — бессмертны. Я не уйду, даже закончив свое земное существование. Сталин разрушил Храм Христа Спасителя? Сталин восстановит его лет через сто чьими-то руками. Репрессировал? Реабилитирует чьими-то указами. Петр прорубил окно в Европу? Подождите век-другой, он еще откроет туда дверь. Иван Грозный завоевал Сибирь? Он еще выстроит там города. Александр отменил крепостное право? Он его вернет, в той или иной форме... Мы сидим друг в друге, как матрешки. Павел в Ленине, Петр в Иосифе, Иосиф будет сидеть в ком-то еще, как бы этот кто-то не назывался: царь, генеральный секретарь, президент, канцлер или кардинал... Здесь, в России, мы все свои. Чужих не может быть. Чужие здесь не ходят.

— Получается, что в нашей стране на протяжении всей ее истории существовал и будет существовать один правитель?

— Можно сказать и так, с некоторыми допущениями. Единый во многих лицах. И никаких рискованных исторических параллелей. Одна прямая линия.

— Это уже похоже на какую-то религию.

— Зачем обожествлять власть? Это лишнее. Нам в данный момент не нужна поповская мишура. Достаточно осознания природы власти в определенных границах, диктуемых временем и ситуацией. Хотя, кто его знает, что решу я, находясь в ком-то, и что решит кто-то еще, находясь во мне. Допустим, я решу, что вам больше не надо жить. Но приказ о вашем расстреле отдам не я, а, скажем, царь Борис. Или вот придумал я как-то название к памфлету писателя Симонова — «Кровавые дураки». Хорошее название, но не я его на самом деле придумал, а, скорее всего, Николай Второй...

— А как же осуществляется эта... преемственность? Не генетически же?

— Нет. Генетика сейчас — не наша наука. Может быть, концентрированное воздействие условий окружающей среды, как говорят мичуринцы. Шутка... Что-то я сегодня часто шучу. Не очень хороший признак... Но в каждой шутке есть доля правды. Чем еще объяснить такую, как вы удачно сказали, преемственность? Некий мировой закон, такой же неоспоримый, как, допустим, закон всемирного тяготения. Осознание иногда не требует понимания.

Голос Сталина звучал странно, словно он находился в большом зале с хорошей акустикой. В нем слышался то грузинский акцент, то присут-

ствовала четкая артикуляция, то речь вдруг превращалась в какую-то вязкую кашу, словно он с усилием выталкивал слова изо рта, то появлялась некая баритональная распевность.

Сатрапов потряс головой, избавляясь от наваждения.

— Почему так происходит? — спросил он.

— Почему — я не знаю. Зачем, догадаться могу. Если бы было по-другому, не было бы нашей страны в том виде, в котором она существует веками.

— А зачем миру такая страна?

— Сейчас мы первое в мире социалистическое государство. Мы одержали победу в Великой Отечественной войне. Завтра мы первыми выйдем в космос. Нам всегда надо быть в чем-то первыми. Мы в фарватере истории. Мы прокладываем дороги, и остальной мир видит, куда надо идти, а куда не надо. В этом мире не бывает случайностей. В нем оправдано все. Понимаете мою мысль?

— Кажется, понимаю.

— Но это видимая часть нашего предназначения. А по большому счету ваш вопрос — ненужный вопрос. Он не в нашей с вами компетенции. Вы согласны со мной?

— Наверное.

— А ваш попугай согласится?

— Не знаю, Иосиф Виссарионович.

— Как его, кстати, зовут?

— Фридрих.

— Фридрих? Фриц...

— Нет, это в честь Энгельса. Он хорошо выговаривает свое имя. Я бы сказал, с гордостью выговаривает.

Сталин встал и подошел к окну. Дождь закончился. Стих ветер. Голые кроны деревьев еще тонули в остатках белесого тумана, но то, что было ниже, просматривалось четко, хотя и не совсем реально. Как-то сказочно, словно за окном разместили иллюстрацию к старой доброй никчемной и увлекательной книге. Дорожка, вымощенная плитками, заворачивала влево и пропадала за угловой стеной. Чуть дальше виднелась надежная, внушающая уверенность ограда. Поджав одну лапу, стояла на холодной земле кошка, будто сотканная из тумана. Утро источало странное спокойствие. А может быть, даже безразличие. Ничего никому не принадлежало в эту минуту, и единственный зритель просто пользовался возможностью ощутить себя частью этого кусочка мира. Но красота и гармония не нуждались в зрителе; они существовали сами для себя. В такое утро хорошо думать о смерти и начинать готовиться к ней, неторопливо, уходя от лишних слов и суетливых мыслей, осознавая, что никакой гармонии из хаоса создать невозможно, равно как и наоборот. Все усилия тщетны, а кто-то невидимый снисходительно смеется над тобой, раздумывая, погладить тебя по голове или больно щелкнуть по носу, предупреждая о том, что надо быть внимательным и осторожным, о том, что пора подумать о вечности.

Там, за оградой, могло быть все, что угодно: веселая зеленая Англия времен войны Алой и Белой розы, сумасшедшая дьявольская Франция, туманная, скучная, полная древних никому не нужных тайн Трансильвания, даже далекий Китай в дымке своего особенного воздуха и света, рождающего изобразительные рифмы. Что угодно, что вам захочется в этот миг. Но он знал, что за оградой — забывшаяся тревожным сном ог-

ромная непонятная страна, готовящаяся к пробуждению, а где-то уже пробудившаяся, живущая в страхе, надежде, лжи и радости, предательстве и всепрощении. И в любви, данной в утешение.

— В любви все-таки, — произнес он настолько злым шепотом, что насторожился сам.

Кошка за окном опустила лапу и перевела взгляд на окно. Ее движение прервало течение мыслей, и он услышал голос, видимо, давно уже произносящий какой-то монолог:

— ...и главная задача выдающихся антропологов и великих диалектиков всех времен — Петра, Грозного, Ленина и вас, уважаемый Иосиф Виссарионович, — не давать ей жить спокойно и сонно, искать скрытую в ней тайну, испытывать на прочность, вливать свежую кровь. Удивлять мир безграничными возможностями, которые кроются в этих людях, испытывать божье терпение, заставляя его, может, вспомнить, а может, окончательно забыть наши просторы, заселенные историческими фантомами. Сдвигать прошлое и будущее плотно, как камни в египетских пирамидах, чтобы даже лезвие ножа не проникло в зацементированную щель настоящего, чтобы в нее не просочилась даже мысль. Настоящее не должно быть настоящим. Вы понимаете разное значение этих слов и их игру? Вы же корифей языкознания. Пойдешь налево — придешь направо. Направо. На право...

Он обернулся. Сатрапов сидел молча, опустив голову. Сталину показалось, что он спит.

«Это не он. А кто? Неважно. Что говорил тот Сатрапов тогда, в ту ночь? Что он сказал такого, если это заставляет меня возвращать его из небытия? Что-то о скифах? Скифы мы... Какие там скифы... А может, и скифы... Почему Абакумов замялся, когда я его спросил про этого Сатрапова? То он физик, то антрополог. И Сатрапов странно себя ведет. На чем же Абакумов его поймал? Ладно, с Абакумовым все ясно окончательно. А вот с Сатраповым... В каком случае человек боится и одновременно не боится? Когда совершает подвиг. Что для него подвиг? Выжить? Или умереть? Что есть подвиг для меня? Выжить или умереть?»

Краем глаза Сталин заметил какое-то движение. Он медленно повернулся. Сатрапов сидел все так же, опустив плечи, и вертел в руках черную авторучку. Сталин перевел взгляд на стол. Поверхность вина в его бокале слегка рябила, словно туда попало несколько капель дождя. Он усмехнулся в усы, подошел к столу и поднял трубку внутреннего телефона.

— Абакумова ко мне, — негромко сказал он, внезапно удивившись сильному грузинскому акценту, вдруг проявившемуся в словах.

В дверь постучали. Легкий музыкальный скрип сапог предварил появление Абакумова. Он сделал несколько шагов и застыл. Улыбка и румянец исчезли с его лица. Сейчас оно было бледным и застывшим, похожим на блюдо с расплывшимся от жары и вновь охлажденным студнем.

— Виктор Семенович, вы помните вашу докладную записку о необходимости ареста поэтессы Ахматовой?

— Так точно, товарищ Сталин! — ответил Абакумов, бросив быстрый взгляд на Сатрапова.

— Когда это было?

— Пятидесятый год, семнадцатого июня... Или семнадцатого августа... Виноват, четвертого июля. Или двадцать пятого.

— Время года угадали — лето. Число — нет. Четырнадцатого июля.

Но это не важно. Вы там писали, что она была недовольна тем, как мы относимся к крестьянам. Это правда?

— Правда, товарищ Сталин.

— А то, что она соглашалась со словами Пунина о насильственном устранении товарища Сталина, — правда?

— Так точно, товарищ Сталин!

— Что вы все: так точно, так точно! Скажите по-другому, по-человечески.

— Это правда, Иосиф Виссарионович!

— Эх! Опять не так. Ладно. А что такое насильственное устранение товарища Сталина, если, допустим на секунду, товарищ Сталин знает об этом?

— Не совсем понял вопрос, товарищ Сталин... Простите, Иосиф Виссарионович.

— Вам не кажется, что у товарища Сталина в данном случае может возникнуть свобода выбора? Как вы считаете, Николай Алексеевич, — обратился он к Сатрапову, выделив интонацией слово «вы», и в упор посмотрел на него.

— Несомненно, Иосиф Виссарионович, — ответил тот, делая попытку подняться.

— Сидите, — махнул рукой Сталин. — Моя смерть будет в этом случае убийством или самоубийством? Что на этот счет говорит диалектика и антропология?

— С точки зрения антропологии и диалектики это не имеет значения. Вы просто исчезнете. А с точки зрения, ну, человеческой, что ли, это ни то и не другое. Это как бы отсроченная смерть, которую уже можно объяснить диалектически.

— Значит, я могу просто устать и передать эту усталость и отсроченную смерть кому-то еще, по наследству, вместе с властью? В качестве подарка?

— Исходя из идеи, которую вы изложили, — конечно.

Сатрапов говорил свободно и громко, словно понял что-то окончательное о себе, своей дальнейшей судьбе, что-то решил, и решение это изменило его, распрямило, придало словам и движениям осмысленность и правоту.

— Иосиф Виссарионович! — Абакумов сделал шаг вперед. — Что вы такое говорите! Мы не сможем без вас! Пока вы живете — живет Советский Союз! Если вы уйдете — государство перестанет существовать!

— Вы, однако, лицемер, Виктор Семенович. Из ваших слов следует одно, а из действий — совсем другое. Я с неопровержимой логикой могу доказать, что вы хотите конца СССР, если, как вы говорите, с моим уходом в небытие исчезнет наше государство... Но дело не в этом. Вы просто хотите жить. Вот и все.

— Выходит, наше будущее — это наше прошлое? — спросил Сатрапов. — Значит, у нас нет ни того, ни другого? Значит, у нас нет судьбы?

— Для меня есть. Для вас?.. Я — ваше прошлое и будущее. И ваша судьба... Не смею вас больше задерживать, Николай Алексеевич, — сказал Сталин и протянул Сатрапову руку. — Спасибо за беседу и извините за то, что я вас потревожил. Сейчас вас отвезут домой. Живите и работайте спокойно. Свой подвиг вы уже совершили. Мы еще обязательно увидимся. У меня к вам будет одна просьба. Пусть мне привезут вашего попугая.

— Но...

— Не волнуйтесь, не навсегда. Я просто хочу с ним познакомиться. До встречи.

Сатрапов вышел. Абакумов вопросительно посмотрел на Сталина.

— Какая интересная у этого антрополога ручка, — промолвил Сталин. — Иностранная, наверное. Автоматическая. Я бы сказал, не ручка, а буржуазный диалектический инструмент. У нас же с вами прикладная диалектика?

— Не могу знать, Иосиф Виссарионович.

— Так получится у нас изменить природные или божественные законы?

— Получится, Иосиф Виссарионович.

— Я тоже так думаю, Виктор Семенович. Это на самом деле просто. Мы на правильном пути. И понятие отсроченной смерти — это верно. Только отсрочка у каждого разная. Главное, чтобы во время нее, этой отсрочки, утешение не проползло даже в самую маленькую щель. Техническая задача, не более. Вы это скоро поймете... Сатрапова отвезите домой. Еженедельно лично докладывайте мне о нем. В любой момент я могу пригласить его к себе. Попугая пусть принесет мне Солоухин. Идите.

Сталин взял бокал и медленно подошел к окну. Мартовское утро продолжалось. Вернее, оно словно бы застыло, исполняя чей-то приказ. Он медленно выпил вино, ощущая едва заметную тонкую горчинку, усмехнулся и внезапно вспомнил, что сказал в тот далекий вечер Николай Сатрапов. «Когда я смотрю на тебя, Иосиф, я вижу сапожную щетку и начищенные ею сапоги. Ты — связующее звено. Тебя так и будут звать — Гуталин».

«Он ведь угадал. Именно так и называют меня заключенные в лагерях. Гуталин. Ну что ж. Пусть».

Раздался осторожный стук в дверь.

— Да! — сказал Сталин.

Вошел Солоухин. В руке он держал большую клетку, в которой раскачивался на жердочке белый попугай. Он смешно переступал лапами, пытаясь сохранить равновесие.

— Поставьте на стол.

Солоухин деревянными шагами приблизился к столу и аккуратно поставил на него клетку. Движением руки Сталин отпустил его и, когда Солоухин вышел, присел на стул. Он смотрел на попугая, а тот поглядывал на него, то закрывая, то открывая левый глаз. Сталин постучал пальцами по прутьям клетки. Попугай взъерошил хохолок, наклонил голову набок, раскрыл клюв и стал удивительно похож на Троцкого, на секунду снявшего пенсне, чтобы протереть его замшевой тряпочкой. Сталин рассмеялся.

— Так кто ты? — спросил он. — Лейб или Фридрих?

— Фр-р-р-и-д-р-р-р-их!

— Энгельс или Троцкий?

— Тр-р-роцкий!

— Правильно. Сохранил белые одежды?

— Хр-р-р-анил!

— Об антропологии беседуешь с Сатраповым?

— Антр-р-ропология тер-р-рор-ра! Сатр-р-рапов — р-р-раб! Смер-р-рть!

— В конечном итоге все побеждает Смерть?

— Смер-р-рть! — скрипучим голосом произнес попугай и, сунув голову под крыло, защелкал клювом.

— Клюв — это твой диалектический инструмент. Ты понял меня? Клюв, а не что-то другое.

— Инстр-р-румент! — согласился попугай, словно прислушиваясь к этому слову.

— Дурак ты, Фридрих, — сказал Сталин и, открыв дверцу, щелкнул попугая в клюв. Фридрих схватил его за палец.

— И это все, что ты можешь? Слабовато. Однако все равно молодец. Но — дурак.

Сталин вышел в прихожую и снял с вешалки старый армейский полушубок. Кряхтя, надел валенки и вышел в коридор, бросив взгляд на вытянувшихся охранников.

Сырой мартовский воздух пах арбузом, тревогой и неизвестностью. Сладко защемило сердце. Посасывая укушенный палец, Сталин медленно пошел по дорожке, вымощенной кирпичом. Дорожка вела налево и исчезала за углом здания. Она шла из такого далека, что разглядеть его было невозможно. На пределе видимости проявлялось только архитектурное сумасшествие Александровской слободы, искрящейся под скудным холодным солнцем. Дорожка извивалась мимо строгих европейских зданий и виселиц, пересекала торжественные гулкие холодные залы, поворачивала к теплому запущенному Кремлю. На ней были видны призрачные мерцающие следы. Он старался ступать по ним своими жесткими, подшитыми валенками. Шорох их подошв сменялся скрипом сафьяновых сапог, с усыпанными жемчугом голенищами, сухим благородным стуком кожаных каблуков по драгоценному паркету, шлепаньем босых ног по сырой после дождя земле. А дальше, за выступом стены, пока невидимое, было все, о чем он знал и о чем не знал, что случится и что не случится уже никогда: фасад империи, лобное место, используемое по своему прямому назначению, арест Абакумова, отсроченная, но близкая смерть, забвение, возрождение, утешение, простор, абсолютное черное небытие, бог и отсутствие бога, торжественная ниша Спасских ворот и узкая скрипучая калитка. И что-то еще, о чем пока не догадывался никто...

Мир равнодушно смотрел на нечеловеческую жестокость и на великую доброту. Все они, идущие по этой дороге, нужны были миру, как кирпичи никогда не прекращающейся стройки.

Он ощущал спокойствие, потому что знал: в мире не бывает случайностей. И это знание оправдывало все.

Из водосточного желоба падали прозрачные капли, собираясь в маленькую лужицу. «Замерзнет к вечеру», — подумал он и свернул за угол.